

Еврейский театр

Колдунья.—Дос ферблонзене ш-йфеле

Сейчас мода на Гольдфадена. Наши гаруса ловят ветры небытового, чистого, театрализованного театра. Самоценные, автономные от литературы и быта, и всяческого изображения жизни, начала театрального искусства—это сейчас самые передовые позиции. Естественно, что многие с любовью обращаются назад, в прошлое, думая о будущем: там, в ранних, примитивных, зачаточных формах этого искусства они находят тот чистый, неоседланный еще никем, голый материал театра, как такового. Оттуда надеются они сделать легче и прямее скачок в театр современности и даже будущего. Таков и Гольдфаден.

Точко опоры для скачка в будущее сомнительная. При всей очевидной чистоте и беспримесности своей природы, театр Гольдфадена столь же очевидно являет нам не чистую театральность, а чистейшую театральщину, т. е. не органически прекрасные, хотя и примитивные, формы искусства, как народная песня, а механическую смесь самых разнородных элементов, часто глубоко ценных, подчас ничтожных и пошлых.

Балаган, конечно, не бранное слово в театре. Балаган это и есть чистый театр в его зачатке. Но балаганщина, как театральщина, нестерпима и относится так же к чистому балагану и театру, как вульгаризация к народности. Это искривление, это болезненное отклонение, это наросты на театре.

Тем не менее, театр Гольдфадена, прошедший через вершинные перевалы современного искусства, может представить несомненный интерес. Я верю, что в свете Шагаловских полотен и с уточненной современной театральной техникой можно многое увидеть сквозь Гольдфадена—и в смысле фольклора, и чистого еврейского театра.

Понимаю и то, что если бы уцелели где-нибудь живые гольдфаденовские актеры, или удалось бы реставрировать, как старинный театр, во всей целостности гольдфаденовские спектакли,—это представило бы живейший исторический и научный интерес.

Но современный еврейский провинциальный актер, прошедший через Гордица и Аша, растерявший яркость и пестроту театральности, не приобретший взамен ничего,—что он может дать в Гольдфаден, кроме скуки, скуки и скуки?

Балаган, расписанный под мещанскую столовую с самоваром и дедушкой на стене,—это уже не балаган.

Так у нас и сыграли Гольдфадена, без преувеличенной яркости, грубой сочности и юмора народной комедии. Театральные маски Колдуньи и Гоцмаха, вставные персонажи почти под Гордица. Фонарики, блестяшки, галантерейность. Площадного искусства не было и в помине. Добродушная, глуховатая старушка с мужскими ухватками и голосом (по традиции роль исполняется мужчиной)—вместо театральной вейды (Рубин), комический приказчик—вместо площадного шута—Гоцмах (Мерензон). Невероятное, неправдоподобное было сведено на театральные шаблоны наших дней. Это фигуры под стать итальянской комедии масок: арлекин, панталоне. Ну, стоило ли все это ставить ради одной длинной, ничем не оправданной чепухи?

Дос ферблонзете шейфеле—добродетельно—пошлая история заблудшей овечки—согрешившей женщины—в рамках апофеоза благополучия и райской жизни еврейских фермеров.

Разыграно так, что пошлый привкус этой мещанской мечты—о еврее с кнутом—был как-то особенно чувствителен. План постановки—дешевая и жалкая роскошь всякого барахла: белые брюки, фонарики, помост, заслонявший полсцены и половину сцен; игра «великолепных джентльменов». Рубин, напр., талантливый артист на характерный эпизод (в Дыбук, напр., играет он 3 роли, и вы не узнаете его; в одной он прямо чудесен), а его опереточные любовники с молодцеватой грацией развязного провинциального премьеры—ах, это дешевое шаляпинство без шаляпинского голоса.

И это задает тон всем, это доминирует. Комичны Каждан в роли фельдшера, Эбенгольц—Хане-Песель, но несмыслаемый штрих грубости, вульгарности, да еще напряженно-крикливой, нервной и совсем, совсем вульгарной.

Надо выходить на другую дорогу.